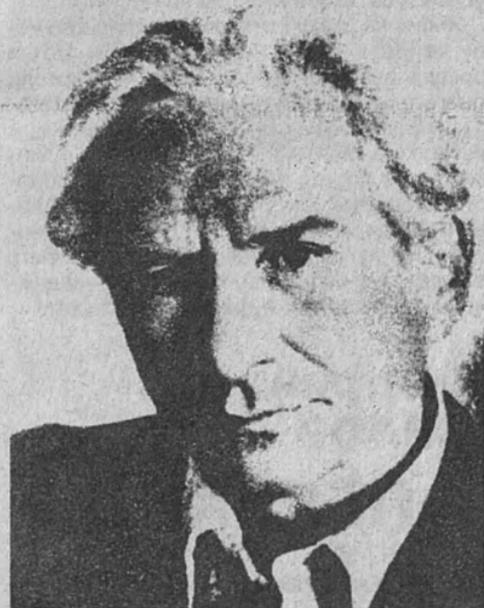

Наш календарь

Известный драматург и сценарист Александр Володин продолжает работать над новыми произведениями. Сегодня мы публикуем фрагмент из книги Б.Поюровского и А.Ширвиндта «Былое без дум», которая в ближайшее время выходит в столичном издательстве «Центрполиграф».

Виз. Москва - 1994 - 14 фев - с 4

«Человек рассеянный»

Ширвиндт уже заметил, что без него не обходился ни один сколько-нибудь заметный юбилей. Стоило ему выйти на сцену, как зал настраивался на веселую волну. Ничего не поделаешь: такова уж природа его индивидуальности. Но справедливости ради надо сказать, что он не был заштатным трубадуром, а принимал участие в чествовании людей исключительно достойных. При этом для него не имели решающего значения собственные личные связи с юбиляром. Важно лишь, чтобы последний пользовался уважением и расположением Шуры, был человеком его круга.

В 1969 году Александру Володину исполнилось пятьдесят лет. До этого момента он все ходил в молодых, подающих надежды, любимых зрителями и театрами авторах, а тут вдруг сразу — полувек юбилей!

Еще на памяти у всех были софронские погромные подвалы в «Литературной газете», выразительно озаглавленные «Во сне и наяву», и выступления Алексея Николаевича Арбузова, вступившегося за младшего товарища с трибуны Всесоюзного совещания театральных работников в Колонном зале Дома союзов.

Пьесы Володина, за исключением «Фабричной девчонки», как правило, запрещались, а если и разрешались, то со всякими оговорками: «только для Товстоногова в БДТ» или «только для Ефремова в «Современнике» — время было такое суровое.

И вот на фоне всех этих бесконечных унижительных запретов и ограничений «Современник» решает отметить пятидесятилетие своего любимого автора. Юбилей устраивается в обстановке полной секретности — до этого было опасно. Ни афиши тебе, ни приглашений билетов. По списку, утвержденному лично Ефремовым, залив Ляля Котова и директор-распорядитель Леонид Эрман обзванивают узкий круг друзей театра и конфиденциально приглашают к себе в гости, чтобы сообща отметить день рождения Володина. На контроле у служебного входа, во избежание всяческих недоразумений, стоит все та же троица. Народу мало: всего около ста — ста пятидесяти человек. Правда, труппа в это число не входит.

В нижнем фойе и в гардеробе свет притушен. Бросается в глаза необычная для этого театра тишина. Все здороваются, но говорят вполголоса. На лестнице Галина Борисовна Волчек с ассистентами продают счастливые билеты беспроигрышной лотереи всего за один рубль. Розыгрыш — сегодня же, на сцене, так что не упустите свой шанс!

В верхнем фойе света побольше, работает буфет, чувствуется некоторое напряжение от предвкушения предстоящего удовольствия. Наконец открываются двери в партер. Первые ряды просятся не занимать. Но вечер хватает места в середине зала. Вечер начинается с лотереи. На сцену выносятся настоящий вертящийся барабан, выходят «пионеры» в коротких штанишках — Людмила Крылова и Олег Даль, начинается розыгрыш. Объявляется первый «счастливый» номер, выигравшего просят пойти с билетом на сцену. Им «случайно» оказывается именно Володин. Все рады, все ликуют. Под музыку юбиляру вручают полосатую пижаму из штапеля.

Следующий выигрыш, как вы, вероятно, уже догадались, достался снова ему же, юбиляру. И так продолжалось до тех пор, пока на сцену не выкатили двухколесный новенький велосипед.

Все это «безобразие» было подстроено Шурой Ширвиндтом и его «подручными» из «Современника».

Володин как-то сказал, что другого времени у нас, скорее всего, и не будет. И потому мы должны жить во времени настоящим, никак себя самих не обманывая. Он сам так живет — без суеты и каких бы то ни было жалоб или претензий. И своим примером молча учит других, поддерживая в каждом из нас чувство собственного достоинства.

Борис Михайлович! Ты скрупулезно вспоминал о знаменитом юбилее А. Володина. Добавить нечего, кроме нескольких слов о Володине вообще, вне данного эпизода с юбилеем. Ну, во-первых, если тебе и символическому читателю интересно, я могу приложить к этой странице воспоминаний текст нашего поздравления, который в муках мы родили с Анатолием Михайловичем Адоскиным и с ним же читали его на володинском юбилее, отдаленно напоминающая Лившица и Левенбука и еще отдаленнее — Эфроса и Ярославцева. Если тебе и символическому читателю это неинтересно, то мне за вас обоих стыдно, и я прикладываю текст все равно.

Александру Володину, проживающему по адресу: город Ленинград, Рубинштейна, 20, кв. 31 (бывш. 13), посвящается:

Жил автор безыдейный	Сел в углу перед окном
на улице Рубинштейна.	и уснул
Сел он утром	спокойным сном.
на кровать,	«Кто так громко
начал пьесу сочинять,	выступает?» —
взял перо он в обе руки,	он спросил,
написал четыре штуки!	слегка зевая.
Про советское пальто	А с трибуны говорят:
написал совсем не то.	«Это вас опять громят».
Стал описывать гамаши,	Он опять послал
Говорят ему: не наши.	немножко
Вот какой рассеянный	и опять взглянул
автор безыдейный...	в окошко.
Вместо домы на ходу	А когда открыл глаза,
он воспел сквороду.	увидал огромный зал.
Вот какой рассеянный	«Это что за остановка —
автор безыдейный.	ВТО или Петровка?»
Однажды на трамвае	А с трибуны говорят:
он ехал на вокзал.	«Это вас опять долбят!»
И критик, поучая,	Он опять послал
один ему сказал:	немножко
«Глубокоуважаемый,	и опять взглянул
идеезаражатый,	в окошко.
не раз	Увидал огромный зал,
предупреждаемый	удивился и сказал:
и все же недожатый,	«Конференция какая?
во что бы то ни стало	Наш район
должны вы восселять.	иль кустовая?»
Учите, очень скоро	А сосед ответил тут:
вам могут указать».	«Это вас опять... несут».
Володин разозлился,	Закричал он:
но чудом сохранился.	«Что за шутки?
Вот какой рассеянный	Нет покоя
автор безыдейный.	ни минутки», —
В министерство	повернул свой
на прием	тощий зад
он отправился бегом.	и уехал в Ленинград.
Взял сценарии и планы,	Вот какой рассеянный
рассовал их	и самонадеянный
под диваны.	автор безыдейный
	с улицы Рубинштейна.

Особенно дорог мне лично Саша Володин потому, что он всегда считал меня хорошим человеком. У меня много друзей (ну много друзей не бывает, но для общего лимита друзей на одну душу населения у меня много — только бы не умирали так внезапно и подряд). Друзья мои относятся ко мне вполне доброжелательно и даже любят, и даже иногда говорят об этом стыдливо, но... единственный, кто не постеснялся очень давно сказать, что я хороший человек, был Саша Володин. Смелый, яркий и мужественный поступок. На его кухне в Ленинграде даже висело звание-плакат: «Шура — идеал человека!» Этот лозунг, где вместо Маркса, Ленина, Пастернака был обозначен я, являл собой открытую гражданственность и цельность хозяина кухни.

Маленький (тогда) сын Володина, пробивающийся к истокам российской словесности, читал этот призыв по слогам и с удивлением спрашивал папу: а почему Шура — и делал человека? Идут, летят, не знаю, что еще делают — в общем, проходят годы, меньше шутим, реже встречаемся, отчаяннее охаем, а когда собираемся (чаще всего у Зямочки Гердта), то вспоминаем, вспоминаем и оттаиваем...